

С.В. Колосова

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРЕТЕКСТ ОДНОАКТНОЙ ПЬЕСЫ Н.ГУМИЛЕВА
«ДОН ЖУАН В ЕГИПТЕ»**

«Дон Жуан в Египте» - одна из наиболее известных пьес Н. Гумилева. Это в значительной мере связано с тем, что она «дала пример вольного вмешательства в миф и перенесла вековые образы сцены в условия новейшего времени» [2, с. 16]. Далеко не полный перечень произведений, в которых использован известный сюжет мировой литературы, предлагает В.М. Сечкарев, писавший, что «Дон Жуана» истолковывали самыми разнообразными способами: его спасали и проклинали, им восхищались и его ненавидели. Гофман увидел в легкомысленном и храбром соблазнителе Моцарта, искателя вечной красоты. Пушкин в "Каменном госте" так же далек от идеализации своего героя. Вечная неудовлетворенность Дон Жуана привела даже к сближению его с Фаустом, довольно ясным в русской литературе в драматической поэме А.К. Толстого. Незадолго до того, как Гумилев написал свою пьесу, Бернард Шоу совершенно переставил плюсы и минусы. <...> Возможно, что разнообразные толкования Дон Жуана и последняя его интерпретация у Шоу навели Гумилева на мысль вернуть своего героя к его первому облику храброго и легкомысленного соблазнителя женщин, не потерявшего даже в аду ни капли своего обаяния» [6, с. 2].

Предположения автора статьи, разумеется, имеют основания. Однако нам ближе точка зрения Д.И. Золотницкого, который полагает, что драматургические поиски поэта были связаны с разработкой эстетики акмеизма, «преодолением символизма». Не случайно, думается, Гумилев собирал первые три пьесы - «Дон Жуан в Египте», «Игра» и «Актеон». написанные на протяжении 1912 - 1913 гг. в одну книгу, так и не увидевшую свет. Видимо, высказанные в статье «Наследие символизма и акмеизм» положения вызревали не только теоретически, но, прежде всего, творчески, и первые одноактные пьесы были призваны представить образ, в котором, по словам Д.И. Золотницкого, содержались бы «осязаемые реалии жизни, вещь, осязаемость живых свойств предмета в его природной первозданности, где ничто намеренно не усложнялось» [2, с. 15]. Анализируя взгляды поэта на акмеизм, исследователь подчеркивает, что его «родовыми чертами» были названы «мечта о первобытной силе, естественность здоровых чувств, порыв к мужественной прямоте поэтического образа, свобода мифотворчества, близость к природе, отказ от туманной, уклончивой фразеологии, от мистики, чего не чужд был русский символизм» [2, с. 15 - 16]. Среди предшественников нового поэтического течения Гумилевым назывался, прежде всего, Шекспир. Однако было бы неверным ограничивать число важных для акмеизма имен прошлого только им. Как и символисты, сторонники нового течения обращались к широкому кругу имен, осмысляя и трансформируя их идеи, опирались на их творческий опыт. Гумилев активно

изучал исторические, литературные источники своих замыслов, и нет сомнения, что многовековая традиция функционирования образа Дон Жуана была ему хорошо известна. Однако Д.И. Золотницкий полагает, что поэт «следовал той высокой и вольной поэтической традиции подхода к вековому образу, у истоков которой - «Каменный гость» Пушкина. Герой Гумилева тоже мог назвать себя, как пушкинский Дон Гуан, "импровизатором любовной песни"» [2, с. 17- 18].

Подобной точки зрения придерживается и Т.А. Мелешко. «Создавая пьесу о Дон Жуане, - пишет исследователь, - Гумилев ориентируется, прежде всего на классическую стройность и внутреннюю динамичность "Каменного гостя" Пушкина. И хотя Гумилев опускает важный пушкинский мотив трагедии страсти, возмездия за нее, он оставляет главное для себя - образ Дон Жуана как "импровизатора любовной песни". Пушкинский Дон Гуан и Дон Жуан Гумилева - поэты, и этот факт говорит о внутренней связи "вечного" образа с лирическим "я" двух поэтов. А. Ахматова писала, что "внимательный анализ "Каменного гостя" приводит нас к твердому убеждению, что за внешними заимствованными положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина"» [4, с. 2].

Как известно, первая попытка воплотить этот образ в пьесе принадлежит Тирсо де Молина, назвавшем свою комедию «Севильский озорник, или Каменный гость» (между 1619 и 1623 гг.) согласно романской традиции, ведь сюжет о богохульнике был поначалу особенно популярным именно в испанском романсе. Множество не дошедших до нас драматургических «переделок» на французской почве стали основой и великолепного мольеровского «Дон Жуана».

«Дон Жуан в Египте» начинается словами, отсылающими нас к окончанию «Каменного гостя» Пушкина:

Но что же сделалось с тех пор,
Как я смеялся с донной Анной
И грозный мертвый командор
Мне руку сжал с улыбкой странной? [1, с. 40].

Но если две последние строки, действительно, вторят пушкинскому тексту («Статуя. Дай руку. Дон Гуан. Вот она... о, тяжело / Пожатые каменной его десницы! / Оставь меня, пусти - пусти мне руку...» [5, т. III, с. 404]), то слова «смеялся с донной Анной» остаются непонятными. В трагедии Пушкина есть только два фрагмента, в какой-то мере дающие возможность говорить о «смехе»: когда Дон Гуан решается познакомиться с вдовой, и когда приходит к ней: «Донна Анна. ...Слезы / С улыбкою мешаю, как апрель» [т. III, с. 369]. Имя женщины также отсылает нас к пушкинской трагедии. Однако осмысление отношений с ней («смеялся») - все же к другому источнику, к комедии Мольера, герой которого, выслушав искреннее и горькое признание Доньи Эльвиры в любви к нему, шутит и требует ужина. Как известно, во всех

интерпретациях старого испанского сюжета, в целом, сохраняются узловые элементы, такие, как, скажем, встреча с «камнем» (камнем на дороге - в испанских романах, каменной статуей - во французских переделках, последующих произведениях), введение слуги героя, соблазнение женщин из разных социальных слоев, последний ужин героя, и пр. Разумеется, в произведениях разных литератур, различных писателей происходит варьирование таких ключевых элементов: одни из них опускаются, вводятся другие, количество элементов сокращается. В пьесе Гумилева, на наш взгляд, сохраняется не сам элемент, а «память» об одном из таких элементов старого сюжета:

Теперь на волю! Через вал
Я вижу парус чьей-то лодки;
Я так давно не целовал
Румянца ни одной красотки.
А у него сестра, невеста... [1, с. 41].

Ни в трагедии Пушкина, ни в комедии Мольера герой не встречается с «сестрой, невестой» у воды, у лодки и пр. Такой элемент сюжета есть только в комедии Тирсо де Молины, когда Тисбея видит крушение лодки героя, помогает ему выбраться на берег и кладет его голову себе на колени. Не случайно Гумилев подчеркивает: «Он сам севильский соблазнитель» [1, с. 51] (ср. название пьесы испанского драматурга).

К трагедии Пушкина отсылает имя Лепорелло, а также диалог Дон Жуана с Американкой, в котором использованы свойственные пушкинскому герою приемы соблазнения. Правда, в описаниях прелестей Донны Анны Дон Гуан сдержан: «Ее совсем не видно / Под этим вдовьим черным покрывалом / Чуть узенькую пятку я заметил» [5, г. III, с. 377], а герой Гумилева, человек нового века, говорит гораздо свободнее: «... ваши плечи / Я целовал их уж во сне / Нежны, как восковые свечи. / А эта грудь! Ее хранят / Теперь завистливые гкани, / На ней есть синих жилок ряд / Капризных, милых очертаний» [1, с. 46].

К еще одному претексту отсылают слова Гумилевского Дон Жуана «... нрав был древний шарлатан / Сказавший - знай, иди и выйдешь!» [1, с. 40]. К сожалению, в комментированных изданиях этой пьесы не отмечено, чьи слова цитирует Дон Жуан. Выскажем предположение, что это реминисценция одного из афоризмов Пифагора («древний шарлатан»): «Помни, в эфирном обличье выйдешь за смертный свой круг. К Истине путь - твой возничий. Знания - лучший твой друг!». Таким образом, думается, выход героя из ада («в эфирном обличье выйдешь за смертный свой круг»), описанный героем, осмыслен Гумилевым как важнейшее стремление человека и источник его творческой силы - истина.

Такая концепция дает возможность говорить еще об одном претексте пьесы Гумилева - драматической поэме А.К. Толстого «Дон Жуан» (1859 - 1860). Ее структура напоминает «Фауста» Гёте, а образ Дон Жуана - как множество

своих литературных предшественников, так и самого Фауста с его жаждой поиска истины и смысла жизни:

Духи. Господь! Постигнуть дай Жуану
 Что смутно видел он вдати!
 Души мучительную рану
 Сознанием правды исцели! [7, т. IV, с. 87].

Отметим, что весь текст пьесы Гумилева пронизан иронией, возможно, потому, что кроме литературного, в ней был житейский подтекст, о котором в примечаниях к публикации «Дон Жуана в Египте» говорит Д.И. Золотницкий: «... Неявный и шутливый код поэтического текста приоткрыл Л.Н. Гумилев. В беседе с М.Д. Эльзоном он сообщил, что в образе юной американки поэт изобразил молодую А.А. Ахматову, в образе Лепорелло высмеял ученого ассиролога и поэта В.К. Шилейко» [3, с. 374]. Однако важнейшие для поэта идеи в осмыслении образа Дон Жуана высказаны всерьез, и это связано, как уже говорилось, со становлением эстетики символизма, требующей нового героя, иного подхода к искусству и самой жизни. Поэма А.К. Толстого, в которой Дон Жуан может достичь совершенства через подлинную любовь к женщине, вполне соответствовал такой концепции. Близок к толстовскому Лепорелло и «декан» Лепорелло у Гумилева: «Но он лакей, всегда лакей» [1, с. 48]. Лепорелло Толстого говорит: «Мы ездили с ним вместе по Европе» [7, т. IV, с. 23], Лепорелло Гумилева вторит ему: «Мы с ним скитались по Мадриду, / И по Севилье...» [1, с. 42]. Разумеется, дело не в буквальных соответствиях, а самом рисунке образа, близком у двух поэтов.

В диалоге с Американкой Дон Жуан Гумилева, как нам представляется, дается ироническое осмысление страстных слов героя А.К. Толстого, который в порыве любви признается Донне Анне:

Тебя одну и вижу я и помню.
 Всю жизнь мою до этого мгновенья,
 Все, что я прожил, все, что ощущал,
 Я все забыл! И как впадают в море,
 В бездонное, все реки и ручьи,
 Так, без следа, мои воспоминанья
 В твоей любви теперь поглощены! <...>
 Давно? Всегда! Твой образ, донна Анна,
 Всегда носился смутно предо мной!
 Когда один, в крушительной тревоге,
 Я с жизнью боролся как пловец. <...>
 Весь мир открыт пред нами, донна Анна;
 Моя душа свободна и ясна.
 К чему бы мыслью я ни обратился,
 Я до всего достигну [7, т. IV, с. 39 - 41].

Донна Анна признается Дон Жуану, что «часто так во сне тебя видала», «во сне я так в глаза тебе глядела» [7, т. IV, с. 40]. Так на слова Дон Жуана

Гумилева «Я целовал уж их во сне...» [1, с. 46], однако иронически снижено, отвечает и Американка:

И мне так родственен ваш вид:
Я все бывала на Моцарте
И любовалась на Мадрид
По старенькой учебной карге [1, с. 46].

Близки к признаниям толстовского героя и страстные слова Дон Жуана:

Я вас люблю! Уйдем! Уйдем!
Вы знаете ль, как пахнут розы,
Когда их нюхают вдвоем
И в небесах звенят стрекозы.
Вы знаете, как странен луг,
Как призрачен туман молочный.
Когда в него вас вводит друг
Для наслаждений, в час урочный.
Победоносная любовь
Нас коронует без короны
И превращает в пламя кровь
И в песню - лепет исступленный [1, с. 49].

Герой А.К. Толстого «с жизнью боролся как пловец», герой Гумилева восклицает: «Как будет сладко кораблю / Нас уносить в иные страны» [1, с. 50].

Как видим, одноактная пьеса Гумилева «Дон Жуан в Египте» имеет целый ряд литературных претекстов. Самый широкий из них - весь опыт функционирования образа в мировой литературе. Поэтом использованы также элементы сюжетов комедии Тирсо де Молины, Мольера, трагедии Пушкина и драматической поэмы А.К. Толстого. Однако ближе всего воспринята Гумилевым концепция образа, представленная в толстовском «Дон Жуане», где герой ищет творческой силы, вдохновения, смысла жизни в любви к женщине.

И если судьба героя А.К. Толстого, искателя, мыслителя и ученого, завершается трагически, - только умирая, он понимает, что его любовь к Донне Анне была подлинной и вела его к постижению божественного, то Дон Жуан Гумилева, поэт и мечтатель, овладевая возлюбленной, устремляется в будущее. Любовью он «опьянен», вдохновлен, именно это состояние уподобляется состоянию богов:

Я опьянен, я вас люблю, Так только боги были пьяны... [с. 50], и это уносит его «в иные страны», а не в преисподнюю, как всех литературных предшественников Дон Жуана.

Литература

1. Гумилев Н.С. Дон Жуан в Египте. Одноактная пьеса в стихах / Николай Степанович Гумилев. Драматические произведения. Переводы. Статьи [Сост. и авт. вст. ст. Д.И. Золотницкий, прим. Д.И. Золотницкого, М.Д.

- Эльзона]. - Л.: Искусство (Лен. отд.), 1990. - С. 39 - 51. (Серия «Библиотека русской драматургии»).
2. Золотницкий Д.И. Театр поэта / Д.И. Золотницкий // Николай Степанович Гумилев. Драматические произведения. Переводы. Статьи [Сост. и авт. вст. ст. Д.И. Золотницкий, прим. Д.И. Золотницкого, М.Д. Эльзона]. - Л.: Искусство (Лен. отд.), 1990. - С. 3-38. (Серия «Библиотека русской драматургии»).
 3. Золотницкий Д.И., Эльзон М.Д. Примечания / Д.И. Золотницкий, М.Д. Эльзон // Николай Степанович Гумилев. Драматические произведения. Переводы. Статьи [Сост. и авт. вст. ст. Д.И. Золотницкий, прим. Д.И. Золотницкого, М.Д. Эльзона]. - Л.: Искусство (Лен. отд.), 1990. - С. 369 - 404. (Серия «Библиотека русской драматургии»).
 4. Мелешко Т.А. Одноактная пьеса в стихах «Дон Жуан в Египте» в составе поэтического сборника Николая Гумилева «Чужое небо» / Т.А. Мелешко. Режим доступа к статье: <http://gumilev.aha.ru/about/meleshko.htm>. - С. 1 - 10.
 5. Пушкин А.С. Каменный гость / Александр Сергеевич Пушкин. Собр. соч.: в 6-ти тт. [Под ред. Д.Д. Благого]. Т. III. - М.: Правда, 1969. - С. 371 - 405.
 6. Сечкарев В.М. Гумилев-драматург / В.М. Сечкарев. Режим доступа к статье: <http://gumilev.aha.ru/about/sechkar.htm>. - С. 1 - 21.
 7. Толстой А.К. Дон Жуан / Алексей Константинович Толстой. - Собр. соч.: в 4-х тт. [Под ред. И. Ямпольского]. Т. IV. - М.: Правда, 1969. - С. 5 - 535.

Анотація

Колосова С.В. Літературний прегекст одноактної п'єси М. Гумільова «Дон Жуан в Египте».

У статті виявляються літературні джерела твору М. Гумільова. Доводиться, що окрім трагедії Пушкіна поет звертався до широкого кола творів (комедія Тірсо де Моліки, Мол'єра), у яких функціонував відомий сюжет, але найбільш близькою до нього була концепція О.К.Толстого, втілена в його драматичній поемі «Дон Жуан». Розробка сюжету пов'язується із становленням нової естетики акмеїзму та оригінальним переосмисленням досвіду світової літератури.

Ключові слова: претекст, акмеїзм, функціонування образу.

Аннотация

Колосова С.В. Литературный прегекст одноактной пьесы Н. Гумилева «Дон Жуан в Египте».

В статье выявляются литературные источники произведения Н. Гумилева. Доказывается, что кроме трагедии Пушкина поэт обращался к широкому кругу произведений (комедия Тирсо де Молина, Мольера), в которых функционировал известный сюжет, но наиболее близкой ему была концепция

А.К. Толстого, воплощенная в его драматической поэме «Дон Жуан». Разработка сюжета связывается со становлением новой эстетики акмеизма и оригинальным переосмыслением опыта мировой литературы.

Ключевые слова: претекст, акмеизм, функционирование образа.

Summary

Kolossova S.V. literary source of text N.Gumilev's one-act play «Don Zhuan in Egypt».

In article references of product of N.Gumilev come to light. It is proved that except Pushkin's tragedy the poet addressed to a wide range of products (a comedy of Tirso de Molina, Moliere) in which the known plot functioned, but A.K.Tolstoy's embodied in its drama poem the concept «Don Zhuan» was the closest to it. Plot working out communicates with formation of a new aesthetics of acmeism and original reconsideration of experience of the world literature.

Keywords: source of text, acmeism, functioning of an image.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Е.А. Андрущенко